

Самое полное и совершенное издание

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

В. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1880.

ТОМЪ XVI.

—❧—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 лн., № 45).

—
1881.

НА ВЕРХОВЬЯХЪ МУКЪ-СУ ¹⁾.

Изъ многихъ отдаленныхъ уголковъ русскаго Туркестана, можетъ быть наименѣе извѣстною до сихъ поръ была долина, занятая теченіемъ Мукъ-су, самаго большого изъ притоковъ Сурхаба. Только одинъ пунктъ, лежащій въ ней, былъ посѣщаемъ русскими, это — Алтынъ-мазаръ. Впервые онъ былъ осмотрѣнъ во время алайской экспедиціи 1876-го года, когда небольшой отрядъ, подъ командою князя Витгенштейна, производя рекогносцировку отъ Дараутъ-кургана вверхъ по алтынъ-дарьинскому ущелью, перевалилъ черезъ Терсъ-агарскій перевалъ и спустился къ Алтынъ-мазару. Л. Ф. Костенко, находившійся при отрядѣ, первый описалъ эту мѣстность въ своихъ корреспонденціяхъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ слѣдующемъ 1877-мъ году Алтынъ-мазаръ былъ посѣщенъ И. В. Мушкетовымъ, но въ то время было весьма неспокойно на Памирѣ и въ окружающихъ его горахъ. Смерть кашгарскаго эмира Якубъ-бека и происшедшія затѣмъ смуты въ Джитышарѣ, кончившіяся, какъ извѣстно, покореніемъ этой страны китайцами, отозвались на положеніи кочевого кара-киргизскаго населенія. Часть его убѣжала лѣтомъ на памирскія выси, которыя обыкновенно стоятъ никѣмъ незанятыя, и сформировалась тамъ въ шайки. Такъ по крайней мѣрѣ рассказывали въ Ферганской области, и поэтому мѣстная администрація дозволила г. Мушкетову дойти только до Алтынъ-мазара и наложила свое veto на дальнѣйшее изслѣдованіе верховьевъ бассейна Мукъ-су. Такимъ образомъ эта часть русскаго Туркестана, вошедшая еще съ 1876 года въ составъ Россійской имперіи, была совершенною terra incognita и

¹⁾ Воспроизводимъ здѣсь это любопытное описаніе потѣзки г. Ошанина съ небольшой брошюры, изданной недавно въ Ташкентѣ.

наносилась на карты только на основаніи весьма неточныхъ разспросныхъ свѣдѣній.

Въ прошломъ году мнѣ пришлось побывать въ этой мѣстности и посчастливилось проникнуть нѣсколько далѣе моихъ предшественниковъ. Попалъ я туда кружнымъ путемъ, черезъ Самаркандъ, Гиссаръ, Каратегинъ и Алай; я намѣревался съ верховьевъ Мукъ-су перевалить въ бассейнъ Мургаба и идти далѣе къ югу, насколько позволятъ обстоятельства; вернуться же назадъ я думалъ на Кара-куль и Кызылъ-артскій перевалъ. Мнѣ не удалось привести въ исполненіе этотъ планъ. Но посѣщеніе нашею экспедиціею верховьевъ Мукъ-су, не было бесполезною тратою времени. Съемка, произведенная товарищемъ моимъ по путешествію, Г. Е. Родіоновымъ, доставила первый точный матерьялъ для картографіи этой части Средней Азіи, а собранные разспросы значительно измѣнили имѣвшіеся до сихъ поръ свѣдѣнія о перевалахъ, ведущихъ въ Шугнанъ и въ бассейнъ озера Кара-куль. Коллекція насѣкомыхъ и растеній, собранная тамъ экспедиціею, незначительна; время года и не позволяло разсчитывать на богатую добычу.

Ночь съ 9-го на 10-ое сентября мы провели въ алтынъ-дарьинскомъ ущельѣ, недалеко отъ Терсь-агара, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Тузь-су образуется изъ сліянія сѣвернаго Терсь-агаръ-су ¹⁾ и Минъ-теке-су. Последняя рѣчка впадаетъ въ первую слѣва. На правомъ же берегу раскинута довольно большая площадка, съ солонцеватою почвою и съ довольно бѣдною травянистою растительностію. Деревьевъ и кустовъ нѣтъ ни на долині, ни на склонахъ окружающихъ ее горъ; послѣдніе кусты стелющейся арчи попались верстахъ въ трехъ ниже мѣста нашей стоянки. Тутъ же склоны горъ были покрыты уже высохшими злаками и поэтому они являлись въ весьма оригинальной окраскѣ: они казались вымазанными желтою охрою. День былъ пасмурный, но изрѣдка на югѣ, въ направ-

¹⁾ У туземцевъ въ обычаѣ давать одно и то же имя двумъ рѣкамъ, текущимъ въ противоположныя стороны съ одного и того же перевала. Такимъ образомъ мы находимъ два Кара-казуъ-су, два Терсь-агаръ-су, два Акъ-байтала и пр. Во избѣжаніе путаницы, проистекающей отъ такой номенклатуры, мнѣ кажется удобнымъ слѣдовать примѣру Н. А. Сѣверцова, который въ такихъ случаяхъ прибавляетъ къ названію рѣки эпитетъ: сѣверный или южный, восточный или западный.

леніи Терсъ-агарскаго перевала, показывались громадныя снѣговыя вершины.

На площадкѣ нѣсколько ключей образовали два саза съ хорошою водою. Единственнымъ неудобствомъ этой стоянки было отсутствіе кустарниковъ, но, не смотря на это, нашлось и топливо, такъ какъ кизяка по сосѣдству было набросано довольно много. Казаки и джигиты набрали его въ достаточномъ количествѣ. Температура была довольно высокая, именно $+4^{\circ}$ R. въ 9 часовъ вечера ¹⁾. Къ вечеру совершенно разъяснило.

На слѣдующее утро мы были поражены довольно непріятною неожиданностью. Проснулись мы во время мятели. Снѣгъ пошелъ подъ утро и шелъ до 8 часовъ. Образовался слой до 4 вершковъ толщины. Температура сильно понизилась и въ 6 часовъ утра было -3° , только къ 8 часамъ термометръ поднялся до $\pm 0^{\circ}$. Положеніе наше было не особенно веселое: кизяка набрать нельзя было и думать, такъ какъ все было занесено снѣгомъ, а согрѣться намъ не мѣшало; даже въ нашу кибитку нанесло не мало снѣга, а казаки и джигиты, спавшіе въ палаткахъ, промокли довольно сильно. Между тѣмъ изъ 18 казаковъ 5 человѣкъ страдали лихорадкою, которая была ими получена въ Гиссарѣ, извѣстномъ своимъ вреднымъ климатомъ. Нужно было во что бы то ни стало добыть топливо, и поэтому я рѣшился послать за арчею. Я боялся, чтобы при этомъ не слетѣла въ пропасть какая-нибудь лошадь. Тропинка, по которой мы шли наканунѣ, мѣстами проходила вдоль довольно крутыхъ откосовъ; она, правда, не представляла никакихъ трудностей, но тогда она вся была видна; теперь же розыскать ее подъ снѣгомъ было не легкимъ дѣломъ. Легко могло случиться, что лошадь сойдетъ съ тропинки, и тогда паденіе ея было бы дѣломъ неизбѣжнымъ. Однако, все обошлось благополучно; черезъ $1\frac{1}{2}$ часа посланные возвратились и привезли арчи. Съ 8 часовъ снѣгъ началъ таять и мы рѣшили не трогаться, пока большая часть его не сойдетъ и пока не обозначится предстоящая намъ дорога. Въ 12 часовъ, наконецъ, мы двинулись далѣе. Подъемъ на Терсъ-агарскій перевалъ оказался очень легкимъ. Дорога все время идетъ вдоль праваго берега Терсъ-агаръ-су, ущелье котораго мѣстами суживается до нѣсколькихъ сажень; но подъемъ весьма постепененъ; такъ-что съ сѣверной стороны всходишь на перевалъ совершенно незамѣтно. Верхняя часть русла сѣвернаго Терсъ-агаръ-су была

¹⁾ Температура вездѣ показана по термометру Реомюра.

совершенно суха; озерко, находящееся на высшей точкѣ перевала и дающее начало обѣимъ Терсь-агарь-су, т. е. сѣверной и южной, тоже стояло совершенно сухимъ. Отъ этого озерка къ югу характеръ ущелья нисколько не измѣняется; только дно его получаетъ паденіе не на сѣверъ, а на югъ. Съ высшей точки перевала не открывается никакого вида; ущелье еще очень узко и слишкомъ стѣснено окружающими его горами, притомъ оно довольно извилисто, и потому даже Сандаля, средній изъ трехъ пиковъ, поднимающихся противъ Алтынъ-мазара, часто закрывается отъ глазъ. За озеромъ дорога переходитъ сперва на правый берегъ южнаго Терсь-агарь-су и идетъ нѣкоторое время по слегка-болотистому грунту. Версты черезъ двѣ она отходитъ въ сторону отъ рѣчки, которая падаетъ въ долину Мукъ-су цѣлымъ рядомъ водопадовъ, по совершенно непроходимому мѣсту. Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали на небольшой увалъ и передъ нами внезапно открылся поразительный видъ. Глубоко, по крайней мѣрѣ тысячи на три футовъ ниже того пункта, гдѣ мы находились, разстилась передъ нами долина Мукъ-су; съ этой высоты она представлялась въ видѣ узкой сѣрой полосы, на которой мѣстами какъ сталь сверкали лентою рукава рѣки. Здѣсь долина имѣетъ общее направление съ востока на западъ; восточное начало ея находится всего верстахъ въ двухъ отъ подошвы перевала. Тутъ происходитъ сліяніе трехъ рѣкъ, образующихъ Мукъ-су; изъ нихъ двѣ, Соукъ-су и Каинды, текутъ въ очень узкихъ ущельяхъ съ востока, а Сель-су течетъ съ юга ¹⁾. На ихъ верховьяхъ видны высокія снѣговья горы. Но въ особенности останавливается глазъ на трехъ пикахъ, которые поднимаются тотчасъ за Мукъ-су, прямо противъ Терсь-агара ²⁾. Первый, самый восточный изъ нихъ, Шельвели, занимаетъ уголъ между Сель-саемъ и Мукъ-су; второй Сандаля, стоитъ въ центрѣ всей группы, а къ западу отъ него поднимается Музь-джилга. По крайней мѣрѣ верхнія двѣ трети ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Соединяются они между собою гребнями, надъ которыми наивысшія точки поднимаются тысячъ на пять футовъ. Я полагаю, что абсолютная высота Сандаля не менѣе 25.000 футовъ и что два другіе пика только немногимъ ниже. Дальнѣйшее протяженіе хребта къ

¹⁾ Л. Ф. Костенко причисляетъ къ нимъ еще и южную Терсь-агарь-су, но я думаю, что этотъ небольшой ручей не заслуживаетъ такой чести: на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на незначительный притокъ.

²⁾ Эти-то горы и были видны намъ со вчерашней стоянки.

западу отъ Музь-джилги не видно: оно закрывается горами праваго берега Мукъ-су, т. е. За-алайскимъ хребтомъ. Видъ этихъ трехъ пиковъ съ Алтынъ-мазара еще величественнѣе, чѣмъ съ Терсъ-агара. Наблюдатель находится тамъ не болѣе какъ въ полутора-верстѣ отъ подошвы Сандаля. Всѣ три пика поднимаются прямо изъ долины Мукъ-су; никакія предгорья не закрываютъ ихъ склоновъ. Съ нихъ спускаются къ рѣкѣ два небольшихъ глетчера; первый находится между Шельвели и Сандалемъ и имѣетъ не болѣе одной версты въ длину; второй, около двухъ верстъ длиною, занимаетъ ущелье между Сандалемъ и Музь-джилгою. Ледники не доходятъ до дна долины: ихъ конечныя морены находятся надъ нею на высотѣ около 1000 футовъ. Оба ледника не принимаютъ боковыхъ притоковъ, и поэтому не имѣютъ среднихъ моренъ; за то боковыя развиты очень сильно, особенно у западнаго ледника. Склоны ниже конечныхъ моренъ очень круты и, какъ кажется, добраться до ледниковъ невозможно, или по крайней мѣрѣ довольно рискованно. Объ этихъ двухъ ледникахъ упоминаетъ уже Л. Ф. Костенко, и они нанесены на карту верховьевъ Аму-дарьи (изданіе топографическаго отд. Главнаго Штаба 1878 г.). На этой же картѣ показанъ третій ледникъ, который, будто-бы, спускается въ долину Мукъ-су съ горы, находящейся на лѣвомъ берегу рѣки Каинды. Но этого ледника въ дѣйствительности не существуетъ. Заговоривъ о картахъ, упомяну еще кстати, что, со времени алайской экспедиціи, вышеописанные три пика называются всюду горами *Гоу*; но мѣстнымъ жителямъ это имя совершенно неизвѣстно. Вѣроятно, какой-нибудь изъ проводниковъ отряда кн. Витгенштейна, не зная настоящаго имени этихъ горъ, далъ имъ первое попавшееся ему на умъ названіе, чтобы только что нибудь отвѣтить на разспросы и не уронить своего значенія.

Полюбовавшись достаточно на горную панораму, открывающуюся съ Терсъ-агара, мы стали спускаться къ Алтынъ-мазару. Южный склонъ перевала очень крутъ, въ особенности въ своей нижней половинѣ. Опасности онъ, впрочемъ, не представляетъ никакой. Большая часть его идетъ по мягкому грунту; только мѣстами почва становится каменною и тутъ иногда камни образуютъ уступы въ видѣ ступенекъ. Дорога проложена по скату зигзагами. На версту растительность состоитъ изъ злаковъ и травянистыхъ растений; на небольшой площадкѣ находится даже миниатюрный сазъ; на половинѣ высоты спуска появляются и кустарники, а именно низкорослая арча и *Ephedra*. Последнее растеніе весьма харак-

терно для средне-азіятскихъ горъ; растеть оно преимущественно на каменистой почвѣ. Его тонкія безлистные зеленія вѣтви придаютъ ему видъ хвоща, а ярко-красныя, сочныя, мелкія плоды дѣлають его весьма красивымъ. Стволъ доходитъ до $\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметръ, высота же всего куста обыкновенно не болѣе фута. Киргизы называютъ этотъ кустарникъ *жымача*; они употребляютъ его золу для подмѣшиванія въ насвай, т. е. въ нюхательный табакъ, который, какъ извѣстно, они кладутъ себѣ въ ротъ. Кромѣ того, стволъ и корень *Ephedra* служатъ иногда вмѣсто топлива.

Спускъ съ перевала прошелъ благополучно; пришлось только бросить наверху одну вьючную лошадь, которой не обошлись даромъ многократныя, испытанныя ею паденія: она хворала уже нѣсколько дней и, наконецъ, совершенно отказалась спуститься, несмотря на то, что съ нея былъ снятъ вьюкъ.

У подошвы перевала, мы прошли мимо заброшенной киргизской зимовки; сакли, сложенныя изъ камня, находились въ полуразрушенномъ состояніи; почти ни на одной не было крыши. Эта зимовка стоитъ на опушкѣ тугая, который тянется вдоль праваго берега Мукъ-су версты на двѣ и имѣетъ въ ширину около $\frac{1}{2}$ версты. Тугай состоялъ изъ шиповника, тала и облѣпихи, т. е. онъ имѣлъ тотъ же характеръ, какъ и тугай вдоль Сурхаба отъ Дараута до устья Соръ-буха, но отличался отъ послѣднихъ отсутствіемъ *Scleratis*, вьющіеся стебли котораго оплетаютъ на Сурхабѣ большіе кусты и придаютъ имъ весьма оригинальный видъ. Мы раскинули лагерь на лужайкѣ этого тугая. Трава была хорошая, благодаря влажности почвы. Урочище это носитъ названіе Кутасъ-кушти, т. е. якъ былъ зарѣзанъ. Это оригинальное названіе произошло отъ того, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жители провели арныкъ для орошенія небольшихъ клочковъ полей, и окончаніе этой общей работы они отпраздновали большимъ пиромъ, для котораго, между прочимъ, зарѣзали яка.

Алтынъ-мазаромъ называется гробница мусульманскаго святаго Ходжи Фазильманда, будто бы примаго потомка Халифа Омара. Эта гробница есть зіаретъ, т. е. туда приходятъ на поклоненіе, но какъ кажется, число богомольцевъ не велико. Алтынъ-мазаръ находился въ 2-хъ верстахъ отъ нашей стоянки. За порядкомъ въ мазарѣ присматриваетъ нѣкто Мулла Саибъ Назаръ, по происхожденію самаркандскій таджикъ. Еще дѣдъ его, послѣ долгихъ странствій по Гиссару, Каратегину и Дарвазу, поселился, наконецъ, въ этомъ отдаленномъ углу, и съ тѣхъ поръ достоинство и обя-

занности алтынъ-мазарскаго шейха переходять по наслѣдству въ его родъ. Теперешній шейхъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 25—30; кромѣ случайныхъ приношеній отъ богомольцевъ, онъ добываетъ себѣ средства еще и обученіемъ грамотѣ киргизскихъ дѣтей. Для этого онъ, зимою, отправляется съ Алтынъ-мазара въ кара-киргизскія зимовки на Алай и изрѣдка навѣщаетъ свое семейство, остающееся присматривать за гробницею святого. По его словамъ, путь черезъ Терсъ-агаръ открытъ всю зиму, но пробраться можно только пѣшему; въ алтынъ-мазарскомъ ущельѣ наваливается иногда такіа массы снѣга, что приходится прибѣгать къ помощи лыжъ. Ранѣе, у Алтынъ-мазара жило до двадцати кара-киргизскихъ семействъ; они сѣяли у своихъ зимовокъ пшеницу и ячмень; но теперь, благодаря зимѣ 1877—78 года, столь тяжело отозвавшейся на благосостояніи всего горнаго Туркестана, Алтынъ-мазаръ опустѣлъ. Ни скота, ни зерна для посѣва у жителей не осталось и поэтому большинство изъ нихъ разошлось, и мы, кромѣ шейха, застали всего 4 семейства на Алтынъ-мазарѣ, да и тѣ собирались перейти зимовать на Алай, и семейству Муллы-Саибъ-Назара предстояла приятная перспектива провести зиму въ полномъ одиночествѣ; бросить же могилу святого безъ всякаго присмотра онъ считалъ невозможнымъ.

Лѣтомъ окрестности Алтынъ-мазара оживляются пришлымъ людомъ: сюда являются кира-киргизы и даже каратегинскіе таджики промывать золото. Золото находится въ Соукъ-су, и битые шурфовы начинаютъ въ какой-нибудь верстѣ отъ устья этой рѣки. Работаютъ всегда артелями, по 4 человѣка въ каждой; добыча производится самымъ первобытнымъ образомъ: вынутую землю промываютъ на кускѣ грубой шерстяной матеріи, идущей на приготовленіе ваповъ; золото, имѣющее видъ мелкихъ и очень тонкихъ пластинокъ, остается въ промежуткахъ ткани. Каждые 15 дней кусокъ матеріи тщательно выполаскивается въ особой ямѣ, на дно которой кладутъ доску, и осѣвшее на нее золото собирается. По видимому промыселъ этотъ весьма невыгоденъ: по крайней мѣрѣ мы опредѣлили среднюю добычу на 4 человѣкъ въ 15 дней въ 2 тилли, т. е. въ 7 р. 60 к., что нѣсколько менѣе 12 к. въ день на рабочаго. Конечно и тутъ, какъ и всегда при промывкѣ золота, выдаются инымъ счастливые дни, когда добыча доходитъ до одной тилли на человѣка. Я не берусь рѣшать, происходитъ ли такой незначительный заработокъ отъ несовершенства употребляемыхъ приѣмовъ или же отъ малой золотоносности Соуъ-су. Меня увѣ-

ряли, что никогда не находили тутъ сколько-нибудь значительныхъ самородковъ. Всего на Соукъ-су занимается ежегодно промысливаніемъ золота до 100 человѣкъ; работа продолжается въ теченіи 5 мѣсяцевъ, т. е. съ мая до октября. Принимая вышеприведенную среднюю добычу, мы получимъ, что въ это время каждая артель соберетъ золота на 20 тиллей, а всѣ вмѣстѣ на 500 тиллей, т. е. на 1900 рублей. Золото сбывается въ Маргеланъ и въ Каратегинъ. Золотоискатели употребляютъ маленькіе вѣсы; разновѣсками къ нимъ служатъ камешки и пшеничныя зерна. Единица вѣса—1 мискаль, равный 16 нахудамъ. Цѣна одного мискаля равняется коканской тиллѣ, т. е. 3 рублямъ 80 коп. металлическимъ.

Я приобрѣлъ въ Алтынъ-мазарѣ небольшое количество золота. Оно было изслѣдовано въ ташкентской химической лабораторіи Н. В. Тейхомъ. Анализъ его далъ слѣдующіе результаты:

золота	87,0
серебра	5,4
мѣди	7,2
кремневой породы	0,4
	100

Самородная мѣдь и кремневая порода примѣшаны къ золотому песку въ видѣ мелкихъ округленныхъ крупинокъ. Вѣсъ отдѣльныхъ золотыхъ пластинокъ измѣняется отъ 0,1 до 2 миллиграммовъ.

Вечеромъ погода разъяснилась совершенно; даже вершины горъ были совершенно безоблачны. Въ 9 часовъ термометръ показывалъ — $\frac{1}{2}^{\circ}$. По причинѣ таянія выпавшаго утромъ снѣга, сильно прибила вода въ южномъ Терсъ-агаръ-су, который вышелъ изъ береговъ и сталъ наполнять всѣ низколежащія мѣста тугая. И нашему лагерю угрожало маленькое наводненіе, но мы окопались канавами и вода не подмочила нашихъ вещей. Ночью раза два слышались какъ-бы громовые раскаты; оказалось что это былъ грохотъ падающихъ лавинъ, которыя, по крайней мѣрѣ въ эту пору года, не достигаютъ подошвы горъ, а останавливаются высоко на ихъ склонахъ.

11-го сентября мы провели у Алтынъ-мазара; нужно было собрать свѣдѣнія о путяхъ на Мургабъ и прінскать проводника. Ранѣе былъ уже нанятъ мною, въ качествѣ проводника, каратегинскій кара-киргизъ изъ зимовки Сары-гуя близъ Кичикъ-карамука. Звали его Чинъ-кара, т. е. совершенно черный. Онъ зналъ дороги съ Алая черезъ Кызылъ-артскій перевалъ въ Сары-колъ и чрезъ различные перевалы Алайскаго хребта въ долину Ферганы. Такъ какъ я пред-

полагать вернуться съ Памира черезъ Кызылъ-артъ, и такъ какъ на Памирѣ я рисковалъ не найти проводниковъ, то и нанялъ Чинъ-кару, хотя тотъ прямо заявилъ, что въ Шугнанѣ не бывалъ никогда. Какъ кажется, это былъ настоящій разбойникъ, который вѣроятно не разъ барантовалъ на своемъ вѣку; онъ хвастался, что каратегинскіе таджики боятся его какъ огня и что при его появленіи въ какомъ нибудь кышлакѣ стараются его всячески ублаготворить и угостить, но какъ извѣстно, кара-киргизы баранту считаютъ за молодечество и разбойникъ слыветъ между ними батыремъ. Такіе барантачи часто оказываются особенно надежными людьми, какъ только они взяли на себя какую-нибудь обязанность; они исполняютъ свое дѣло вполне честно и въ высшей степени добросовѣстно. Мнѣ тоже не пришлось ни разу раскayваться въ томъ, что я нанялъ Чинъ-кару. Поражалъ онъ меня своею выносливостію; онъ ни за что не хотѣлъ купить шубы, когда мы всѣ запаслись ими на большомъ Карамукѣ. Рано утромъ 10 сентября, не смотря на морозъ и шедшій снѣгъ, онъ полѣзъ купаться и даже это сошло ему съ рукъ. Едва ли онъ когда въ жизни былъ боленъ; по неволѣ завидуешь такой желѣзной натурѣ.

Изъ собранныхъ на Алтынъ-мазарѣ свѣдѣній оказалось, что между этимъ пунктомъ и Полизомъ, уже находящимся на шугнанской территоріи, мы не встрѣтимъ ни одной кочевки. Въ Шугнанѣ выходитъ дорога черезъ Тахта-корумскій перевалъ, который, по словамъ киргизъ, не особенно тяжелъ, что вѣроятно, въ переводѣ на наши понятія, выйдетъ—весьма и весьма не легко. Изъ Алтынъ-мазара представляются два пути къ Тахта-корумскому перевалу: одинъ идетъ вверхъ по Сель-су и потомъ по его правому притоку, Баяндъ-кинку, вплоть до подошвы перевала; другой направляется вверхъ по долині р. Кайнды и, черезъ перевалъ того же имени, выходитъ на первую дорогу на верховьяхъ Баяндъ-кинка. Каждая изъ этихъ дорогъ представляла свои неудобства. Про перевалъ Кайнды рассказывали, что онъ очень высокъ, покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, и что за прошлую зиму накопилось его столько, что мы едва-ли проберемся съ своими вьюками.

Сель-суйская же дорога, говорили, мѣстами осыпалась и что она вообще «азъ-азъ-джаманъ», т. е., какъ говорятъ сарты, «мало-мало дурной». Нужно было изъ двухъ волъ выбирать меньшее, и я рѣшился двинуться по послѣднему пути. Дѣйствительно, было очень рискованно перевалить черезъ снѣжный Кайнды. Вьюковъ у насъ было довольно много,

запасныхъ лошадей не имѣлось, а наши порядочно-таки уже спали съ тѣла къ этому времени. Слѣдовало принять въ расчетъ, что во время перехода по снѣгу можетъ пропасть нѣсколько лошадей, и тогда не на чемъ будетъ везти провіантъ и другія тяжести. Къ тому же мятель, бывшая наканунѣ, ясно напоминала о началѣ осени и повтореніи ея можно было ожидать каждый день. А захвати насъ порядочный буранъ въ мѣстности, гдѣ нѣтъ топлива, и положеніе наше могло сдѣлаться вполнѣ безвыходнымъ. Съ другой стороны, хотя дорога по Баяндъ-кику и осыпалась, но я надѣялся, что, при помощи имѣвшихся у насъ кетменей, ее удастся сдѣлать проходимою. Я зналъ, что показаніе горцевъ относительно дорогъ обыкновенно нельзя понимать буквально и что хотя «азъ-азъ-джа-макъ» и значитъ въ подстрочномъ переводѣ «мало-мало дурной», но что пожалуй они этимъ эпитетомъ могутъ обозначить и тропинку, совершенно непроходимую для вьючныхъ животныхъ. Вообще это «мало-мало», такъ часто повторяемое туземцами, сплошь и рядомъ слѣдуетъ переводить «очень и очень много».

Но рѣшить вопросъ о проходимости этого пути можно было только личнымъ осмотромъ и поэтому положено было идти по Сель-су и Баяндъ-кику. За Тахта-корумскимъ переваломъ, дорога идетъ по рѣчкѣ того же имени, которая у своего устья (она впадаетъ въ Мургабъ) получаетъ названіе Кудары; на ней, въ двухъ дняхъ пути отъ перевала, находится урочище Полизъ, гдѣ мы должны были встрѣтить первыхъ киргизъ. Тамъ кочуетъ, кибитками съ двадцатью, нѣкто Саибъ-Назаръ, родомъ съ большого Карамука. Уже лѣтъ 20 тому назадъ, онъ, недовольный чѣмъ-то, откочевалъ на шугнанскую территорію и сталъ специально заниматься барантою. Около него собралась шайка, и дѣла ея, какъ говорятъ, шли весьма недурно. Грабятъ они преимущественно алайскихъ киргизъ въ зимнее время. Отъ Полиза къ Кызылъ-арту ведетъ легкая дорога; самъ Кызылъ-артскій перевалъ, не смотря на свою большую высоту, открытъ круглую зиму. Этимъ-то путемъ Саибъ-Назаръ со своею шайбою является на Алай. Верхняя часть долины, такъ называемый Башъ-алай, служитъ исключительно только лѣтнею; зимовокъ тамъ нѣтъ. Но нѣкоторые кара-киргизы имѣютъ столько скота, что онъ не можетъ весь прокормиться около ихъ зимовокъ, расположенныхъ въ узкихъ долинахъ, орошаемыхъ Куршабомъ, Акъ-бурою и ихъ притоками. Поэтому они оставляютъ часть своихъ стадъ на Башъ-алаѣ, подъ присмотромъ одного или двухъ рабочихъ. Скотъ находитъ себѣ

достаточную пищу по склонамъ горъ, гдѣ снѣгъ накопиться не можетъ ¹⁾). Этотъ-то скотъ и представлялъ легкую добычу для Саибъ-Назара. Небольшое количество пастуховъ при стадахъ, раскинутыхъ на громадномъ пространствѣ, конечно не могли оказывать никакого сопротивленія его хорошо-вооруженной шайкѣ. Такіе набѣги повторялись Саибъ-Назаромъ изъ года въ годъ и при нихъ онъ доходилъ даже до Дараута, лежащаго верстахъ въ 70 отъ входа въ Кызылъ-артекое ущелье. Но, говорятъ, ему достается только незначительная часть набарантованной добычи: большую часть онъ долженъ отдавать шуганцамъ, которые только поэтому позволяютъ ему жить на своей территоріи.

Къ этому то Саибъ-Назару мы должны были отправиться; видѣться съ нимъ было необходимо для успѣшнаго слѣдованія экспедиціи. Только у него я могъ надѣяться купить и лошадей и барановъ, только отъ него я могъ получить проводника, знакомаго съ дорогами на Памиръ-калянъ. Далѣе къ югу, на Мургабѣ, близъ заброшеннаго укрѣпленія Сарезъ, живетъ всего нѣсколько шуганскихъ семействъ, и я былъ увѣренъ, что они убѣгутъ какъ только узнаютъ о нашемъ приближеніи. Въ этомъ отношеніи Саибъ-Назаръ также могъ оказать намъ важную услугу: успокоить жителей и увѣрить ихъ въ нашихъ вполнѣ мирныхъ намѣреніяхъ. Представлялся только вопросъ: какъ посмотритъ Саибъ-Назаръ на наше появленіе близъ его аула. Зная свои прегрѣшенія противъ алайскихъ киргизъ, онъ могъ вообразить, что мы посланы для уничтоженія его разбойничьяго притона. Конечно, въ такомъ случаѣ онъ не сталъ бы помышлять о вооруженномъ отпорѣ; 18 человекъ казаковъ, вооруженныхъ берданками — такая сила, съ которой не рѣшится помѣряться ни одинъ барантачъ; но онъ могъ сдѣлать гораздо худшее: онъ могъ, узнавъ о нашемъ приближеніи, откочевать въ такія трущобы, гдѣ бы совершенно невозможно было розыскать его. Тогда положеніе наше стало бы не особенно пріятнымъ. Безъ всякаго продовольствія, кромѣ сухарей, которыхъ и всего-то осталось недѣли на три, намъ, конечно, пришлось бы немедленно идти назадъ. Но я надѣялся, что удастся успо-

¹⁾ Такъ дѣлалось до зимы 1877 г.; теперь большихъ стадъ нѣтъ ни у кого, и лѣтомъ 1878 г. многіе кочевники даже вовсе не приходили на Алай. Благодаря дождливой погодѣ, трава была хороша даже въ сравнительно низкихъ долинахъ, около зимовокъ, и ея хватало съ избыткомъ для небольшого количества уцѣлѣвшаго скота.

контъ почтеннаго разбойника, пославъ къ нему Чинъ-кару, который доводился ему какимъ-то дальнимъ родственникомъ, чуть-ли не въ 15-мъ колѣнѣ, но который, не смотря на такое, почти фиктивное родство, все-таки называлъ Саибъ-Назара своимъ братомъ.

Въ тотъ же день мнѣ удалось найти проводника до Полиза. Мѣсяца за два предъ тѣмъ пришелъ на Алтынъ-мазаръ киргизъ лѣтъ 70-ти, который нѣсколько времени провелъ въ аулѣ Саибъ-Назара. Нослѣ долгихъ разговоровъ и угощенія чаемъ, онъ наконецъ согласился отпустить съ нами своего 15-лѣтняго сына, который хорошо зналъ дорогу.

Тутъ же мы получили еще нѣсколько интересныхъ географическихъ свѣдѣнй. Оказалось, что съ Баляндъ-кина можно пройти не только въ Шугнанъ, черезъ Тахта-корумъ, но и на озеро Кара-куль, чрезъ Кокуй-бельскій перевалъ. На прежнихъ же картахъ показывалось, что дорога черезъ Кокуй-бель выводитъ съ Кара-куля на Мургабъ; между тѣмъ, по словамъ киргизъ, на пути отъ Полиза до Кара-куля нѣтъ ни одного перевала, что на самомъ дѣлѣ подтвердилось памирскою экспедиціею Н. А. Сѣверцова.

Про Соукъ-су рассказывали, что онъ течетъ въ очень узкой щели, такъ-что золотопромышленники ходятъ туда не иначе какъ пѣшкомъ. Съ этой рѣки, говорятъ, можно прямо пройти горами на Арамъ-кунгей, урочище у сѣвернаго конца Алтынъ-дарьинскаго ущелья. Если это свѣдѣніе вѣрно, то къ извѣстнымъ до сихъ поръ двумъ переваламъ чрезъ За-алайскій хребетъ, Кызылъ-артскому и Терсъ-агарскому придется еще прибавить третій, непригодный, впрочемъ, для вьючныхъ животныхъ. Соукъ-су, по рассказамъ терсъ-агарцевъ, течетъ до первой кара-киргизской зимовки Ходжа-таваба, находящейся уже на каратегинской территоріи, въ долинѣ совершенно ненаселенной. Число тугаевъ въ ней очень не велико. Долина то расширяется, и тогда она представляетъ такой же характеръ, такъ и у Алтынъ-мазара, т. е. дно ея сплошь покрыто галькой и рѣка тутъ разбивается на нѣсколько рукавовъ, — то она суживается и тропинка проложена по карнизамъ. Дорога вдоль ея тяжела; ею пользуются преимущественно пѣшеходы; для верховаго сообщенія она почти не годится. Зимой она становится совершенно непроходимой, такъ какъ долину заноситъ глубокимъ снѣгомъ. По словамъ одного кара-киргиза, въ одномъ днѣ пути, т. е. верстахъ въ 30 отъ Алтынъ-мазара на Мукъ-су находится водопадъ, вышины котораго равняется 6 копьямъ (около 6 сажень).

Другія же лица отрицали существованіе водопада. Какое изъ этихъ двухъ показаній заслуживаетъ довѣрія, не берусь рѣшать.

Въ этотъ же день я занимался въ тугаѣ сборомъ насѣкомыхъ, Особенно выдающихся формъ не было найдено; только бросался въ глаза своими массами *Microplax interrupta* Fieb. принадлежащій къ *Oxusegenina*. Онъ попадался на поляны, и такъ какъ нашлось очень много паръ *in copula*, то слѣдуетъ предположить, что зиму этотъ видъ проводитъ въ стадіи яйца. *Microplax interrupta* (а равно вся группа *Oxusegenina*) весьма характеренъ для южной части палеарктическаго царства, такъ онъ встрѣчается въ южной Франціи, Италіи, Алжиріи, на Корфу, въ Астраханской губерніи и въ Закавказьи, а въ среднюю Европу заходитъ только въ Австріи, гдѣ онъ былъ наблюдаемъ у Праги. Поэтому нахожденіе означеннаго вида на такой значительной высотѣ ¹⁾ весьма интересно. Фактъ этотъ получаетъ особое значеніе потому, что онъ не стоитъ одиночно: наоборотъ, для фауны и флоры Тянь-шаня можно считать общимъ правиломъ то, что формы южныя, свойственныя между прочимъ и жаркимъ степямъ, поднимаются на очень большую высоту, въ противоположность того явленія, съ которымъ мы встрѣчаемся на Альпахъ и Пиренеяхъ, гдѣ верхній поясъ населенъ видами, свойственными арктической зонѣ. Эта особенность Тянь-шанской фауны указываетъ намъ на то, что такого общаго обледенѣнія, какому подвергалась Европа во время ледяного періода, въ Средней Азіи быть не могло.

12-го сентября, въ 9 часовъ дня, мы двинулись съ Алтынъ-мазара вверхъ по Сель-су. Уже третій разъ во время нашей экспедиціи намъ приходилось вступать въ неизвѣстную дотолѣ мѣстность, и сознаніе, что идешь по землѣ, гдѣ ни разу еще не ступала нога европейца, всегда дѣйствовало особенно пріятно и сильно возбуждало вниманіе. Наше шествіе открывалъ 15-лѣтній проводникъ, гнавшій передъ собою 4-хъ барановъ. Эти бараны были куплены, по моему порученію, дараутскимъ біемъ Ирисъ-магометомъ и доставлены имъ на Алтынъ-мазаръ еще вечеромъ 10-го числа. Хорошо, что я распорядился ихъ покупкой еще въ Тузъ-даринскомъ ущельи: на Алтынъ-мазарѣ мы не нашли скота, кромѣ двухъ или трехъ козъ. За проводникомъ вытягивался конвой и джигиты съ вьючными лошадьми.

¹⁾ Я полагаю, что Алтынъ-мазаръ не ниже 8000' н. у. м.

Саженьхъ въ 50 отъ нашей стоянки тугай оканчивался. Дорога пошла по галькѣ, нанесенной рѣкою. Точнѣе сказать — дороги совершенно не было; только мѣстами, гдѣ между галькою накопился несокъ, можно было различать слѣды, оставленные бѣглецами изъ Дарваза, прошедшими этой долиной дней за пять передъ тѣмъ. Такое путешествіе по галькѣ оказалось до крайности утомительнымъ для лошадей. Округленные дѣйствіемъ воды камни не соединены между собою никакимъ цементомъ, и поэтому они выскальзываютъ изъ подъ копытъ и лошади безпрестанно спотыкаются. Вскорѣ пришлось переѣзжать въ бродъ черезъ Соукъ-су, саженьхъ въ ста отъ ея устья. Рѣка эта течетъ здѣсь двумя рукавами; глубина брода была не велика, вода доходила немного выше колѣнъ лошади, но теченіе очень быстрое. Вода въ Соукъ-су очень мутная, почти бѣлаго цвѣта, и это обстоятельство заставило меня предположить, что она вытекаетъ изъ ледниковъ; распросы подтвердили это заключеніе. Черезъ четверть версты за Соукъ-су, мы переѣхали, тоже въ бродъ, черезъ Каянды, которая оказалась уже мельче первой. Вода въ ней была совершенно прозрачна, зеленого цвѣта, что указываетъ на полное отсутствіе ледниковъ въ ея бассейнѣ. Тутъ мы были поражены неожиданнымъ грохотомъ, похожимъ на сильные, но глухіе раскаты грома; взглянувъ на Шельвели, мы увидели лавину. Она пролетѣла футовъ до 1000 по его склону и остановилась на площадкѣ, лежащей выше снѣговой линіи. Масса снѣга взлетѣла при этомъ на воздухъ и приняла видъ бѣлаго кучеваго облака. Слѣдъ, оставленный лавиною, былъ видѣнъ очень явственно. Соукъ-су и Каянды вливаются въ долину Мукъ-су у восточнаго конца ея; съ этой стороны она замкнута горами, сквозь которыя обѣ рѣки прорываются очень узкими трещинами. За Каянды дорога поворачиваетъ почти прямо на югъ по долинѣ Сель-су. Она представляетъ тотъ же характеръ, какъ и долина Мукъ-су. Ширина ея равняется почти двумъ верстамъ; дно представляетъ тоже одно сплошное накопленіе гальки, по которой Сель-су течетъ нѣсколькими рукавами. Горы, ограничивающія ее, спускаются очень круто, такъ-что мѣстами онѣ представляются совершенно вертикальными. На лѣвомъ берегу поднимается снѣговой Шельвели, а на высотахъ праваго берега видны были только отдѣльные снѣговья поля. Растительность тутъ самая скудная; кое-гдѣ на склонахъ между скалами видѣлись низкіе кусты стелющейся арчи, да на днѣ долины изрѣдка попадались приземистые кусты гребенщика (*Tamarix*) и *Atraphaxis*. Даже травянистая

растительность почти совершенно отсутствовала на этой каменистой почвѣ. Мы ѣхали все время вдоль праваго, т. е. восточнаго края долины, которая, повидимому, танулась вдаль на очень далекое пространство; впереди, по обѣимъ сторонамъ ея, возвышались высокія снѣговыя горы. Мы проѣхали верстъ шесть, и тогда я разглядѣлъ, что поперегъ долины проходить какой-то валъ, который нигдѣ не представлялъ значительнаго пониженія, и я недоумѣвалъ, какимъ образомъ рѣка не размыла этого, повидимому ничтожнаго, препятствія. По мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали ближе, на темной поверхности этого вала стали выясняться бѣлыя блестящія пятна и въ одномъ мѣстѣ виднѣлось углубленіе, похожее на входъ въ пещеру. Я былъ сильно заинтересованъ этимъ страннымъ образованіемъ и долго не могъ понять, что бы это могло быть. Наконецъ, когда мы приблизились на какія нибудь полверсты, дѣло разъяснилось. Передъ нами былъ нижній конецъ громаднаго ледника. Въ этомъ мѣстѣ съ долиною Сель-су соединяются двѣ другихъ: одна, извѣстная подъ именемъ Танимась, идетъ съ запада на востокъ, другая, занятая теченіемъ рѣки Баяндъ-кіика, имѣетъ направленіе почти прямо противоположное. Южное продолженіе Сель-суйской и вся Танимасская долина заняты ледниками, сливающимися у своего нижняго конца. Тутъ ледникъ имѣетъ до двухъ верстъ ширины. Конечная морена совершенно не развита.

Мѣстами поверхность ледника спускается внизъ подъ острымъ угломъ, мѣстами же онъ оканчивается вертикальными обрывами, имѣющими до 30-ти сажень вышины. У его подошвы встрѣчаются отломанныя отъ него глыбы льда въ видѣ большихъ параллелепипедовъ, сажени въ три длиною. Цвѣтъ льда зеленоватый, мѣстами же, гдѣ по немъ течетъ мутная вода—грязный. Въ нѣсколькихъ точкахъ изъ подъ ледника вытекаютъ ручьи, которые, слившись вмѣстѣ, образуютъ Сель-су. Одинъ изъ этихъ ручьевъ промылъ себѣ во льду пещеру, входъ въ которую осмотрѣлъ М. И. Невѣскій. Пещера выше человѣческаго роста и довольно широка.

Ледникъ запираетъ собою почти совершенно устье долины рѣки Баяндъ-кіика. Между подошвою ледника и скалами, ограничивающими эту долину справа, остается небольшой проходъ, сажень въ шестьдесятъ шириною. Тутъ-то совершается сліяніе Баяндъ-кіика съ Сель-су. Прозрачная, зеленая вода первой рѣчки, не смотря на быстроту теченія, не сразу смѣшивается съ мутною, бѣлою ледниковою водою Сель-су. На нѣсколько сажень ниже сліянія можно прослѣдить еще ихъ теченіе въ отдѣльности. Ледникъ въ этомъ мѣстѣ

представлялъ стѣну, наклонившуюся надъ рѣкою, такъ-что каждую минуту можно было ожидать того, что верхняя, выдававшаяся часть льда, обрушится. Дорога ведетъ черезъ этотъ узкій проходъ, при чемъ приходится раза три переѣзжать въ бродъ черезъ Баляндъ-кинкъ. Бродъ, не смотря на порядочную быстроту течения, былъ не труденъ; но тутъ я понялъ, почему дорога эта бываетъ непроходима весною и въ началѣ лѣта, о чемъ мнѣ говорили еще на Алтынъ-марзѣ. Во время сильнаго таянія снѣга вода въ Баляндъ-кинкѣ должна сильно возвышаться, и тогда весь проходъ занить ею, такъ что переѣздъ въ бродъ становится невозможнымъ. Обойти это мѣсто карнизомъ нельзя, такъ какъ скалы поднимаются надъ долиною совершенно отвѣсно.

Вѣхавъ въ долину Баляндъ-кинка, мы были поражены ея рѣзкою разницею съ только-что покинутыми нами мѣстами. Она имѣетъ у своего устья болѣе версты шириною; горы, ее ограничивающія падаютъ къ ней хотя и круто, но не отвѣсно. Склоны ихъ уже довольно густо покрыты травою. Хотя почва долины и состоитъ изъ гальки съ пескомъ, но и на пей видна трава и даже разбросано нѣсколько небольшихъ тугаевъ, состоящихъ изъ высокоствольныхъ тополей и кустовъ облѣпихи, тала и гребенщика. Первые уже стояли съ пожелтѣвшими листьями. Этотъ контрастъ съ оставшимся позади насъ суровымъ пейзажемъ, гдѣ мы видѣли только ледъ, да голые камни, былъ особенно поразителенъ. Конечно, всякому извѣстно, что ледники весьма нерѣдко спускаются очень низко и заходятъ въ поясъ горныхъ лѣсовъ, но читать о такомъ фактѣ и видѣть его собственными глазами — большая разница.

Мы остановились въ небольшомъ тугаѣ, верстахъ въ двухъ выше устья долины, на лѣвомъ берегу Баляндъ-кинка. Недалеко отъ этого пункта рѣка принимаетъ справа небольшой притокъ Кызъ-курганъ, въ верховьяхъ котораго поднимается снѣговой пикъ, имѣющій около 17.000 футовъ высоты. Съ мѣста стоянки открывался вполне Танимасскій ледникъ. Онъ спускается со склоновъ пика, носящаго то же имя и поднимающагося прямо къ югу отъ Шельвели. Вся длина ледника вѣроятно около 7—8 верстъ. Главный ледникъ расширяется наверху въ циркъ; въ него впадаетъ нѣсколько боковыхъ глетчеровъ, и поэтому на его поверхности замѣтны срединныя морены; я насчиталъ ихъ 4, но кажется ихъ въ сущности больше, и онѣ не всѣ явственны только потому, что ледникъ сильно сжуженъ и что поэтому нѣкоторые изъ срединныхъ моренъ сливаются другъ съ другомъ. Паденіе его довольно

велико и, насколько я могъ разобрать въ бинокль, на немъ очень много трещинъ, которыя особенно сильно развиты верстахъ въ двухъ отъ его нижняго конца, гдѣ, вѣроятно, образуется нѣчто въ родѣ Монбланскаго *mer de glace*.

Ледникъ, занимающій верхнюю часть сель-суйской долины, былъ скрытъ отъ насъ горами. Этотъ послѣдній несравненно длиннѣе танимасскаго. Съ берега Сель-су мнѣ были видны горы, ограничивающія его съ обѣихъ сторонъ покрайней мѣрѣ верстъ на 15, но, на сколько хваталъ глазъ, не видно было ни одной вершины, которая бы замыкала его съ юга. Поэтому мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы судить объ истинной длинѣ этого ледника, и можно только сказать одно, что онъ не короче 15 — 20 верстъ. Такимъ образомъ этотъ ледникъ долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ между глетчерами Средней Азій; съ нимъ могутъ сравниться только два изъ нихъ, именно Зеравшанскій и ледникъ Петрова. Кара-киргизы называютъ его просто—Сель, что значитъ ледникъ. Поэтому ему необходимо было дать какое-нибудь имя, и я посвятилъ его памяти Алексѣя Павловича Федченко. Я желалъ этимъ выразить, хотя въ слабой степени, мое глубокое уваженіе къ замѣчательнымъ ученымъ трудамъ моего незабвеннаго товарища, которому мы обязаны разъясненіемъ столькихъ темныхъ вопросовъ въ географіи и естественной исторіи Средней Азій. Я желалъ, чтобы имя его осталось связано навсегда съ однимъ изъ грандіознѣйшихъ глетчеровъ средне-азіатскаго нагорья,—желалъ этого потому, что изученіе ледниковыхъ явленій особенно занимало Алексѣя Павловича. Пусть «Федченковскій ледникъ» и въ далекомъ будущемъ напоминаетъ путешественникамъ имя одного изъ даровитѣйшихъ и усерднѣйшихъ изслѣдователей Средней Азій!

Мы остановились довольно поздно; до заката солнца оставалось не болѣе двухъ часовъ, поэтому нельзя было предпринять восхожденіе на ледникъ. Я занялся сборомъ насѣкомыхъ на гребенщикѣ. Тутъ я опять нашелъ формы, родственныя со степными. На *Tamagix*ѣ, какъ извѣстно, встрѣчается нѣсколько очень характерныхъ полужестко-крылыхъ. Роды *Artheneis* Spin., *Tuponia* Reut., *Maurodactylus* Reut., *Camptotylus* Fieb., и группа рода *Athysanus* (*A. stactogalus* Am., *A. scutellaris* Fieb и проч.), отличающаяся отъ сородичей и цвѣтомъ и общею формою тѣла, исключительно водятся на гребенщикѣ. Всѣ они распространены широко по южной Европѣ, Сѣверной Африкѣ и Средней Азій, въ

средней же Европѣ ихъ совершенно нѣтъ. Въ долину р. Баяндъ-кина, не смотря на значительную высоту мѣстности, мною найдены представители двухъ изъ этихъ южныхъ родовъ, именно *Artheneis* и *Turonis*. Я полагаю, что эти формы встрѣчаются на Памирѣ и еще выше, такъ какъ Н. А. Сѣверцовъ встрѣтилъ тамъ кусты гребенщика на высотѣ 13.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

13-е сентября было послѣднимъ днемъ нашего движенія впередъ. Версты двѣ мы шли къ долину Баяндъ-кина, которая сохраняла на этомъ пространствѣ свой прежній характеръ, только постепенно суживаясь. Наконецъ горы до того стѣснили долину, что путь вдоль рѣки становится невозможнымъ. Поэтому тропинка отходить въ сторону отъ рѣки. Съ правой стороны въ долину отърывается тутъ три параллельныхъ балки, и дорога сперва ведетъ вверхъ по первой, т. е. самой западной изъ нихъ, и затѣмъ переваливаетъ черезъ раздѣляющіе гребни во вторую, а потомъ и въ третью балку, по которой она и выходитъ снова къ Баяндъ-кину. Первые двѣ балки покрыты рѣдкимъ арчевымъ лѣсомъ; арча здѣсь высокоствольная, но замѣчается много сухихъ деревьевъ. Спускъ въ послѣдній, восточный оврагъ очень крутъ. Грунтъ состоитъ изъ глины, песка и камней, и поэтому легко осыпается. Камни, повидимому расположены въ этой массѣ совершенно неправильно. На скатѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднимаются, какъ грибы, столбы, заканчивающіеся на верху камнемъ. Эти образованія, сильно напоминающія собою ледниковые столы, видимо произошли отъ дѣйствія дождей. Камень защищаетъ находящуюся подъ нимъ почву отъ размыва, тогда какъ сосѣднія части ската смываются водою. Спускъ этотъ носитъ названіе Байгашка. За нимъ дорога идетъ вдоль Баяндъ-кина, по плоскости, состоящей изъ каменной осыпи; на ней растетъ густой тугай изъ тала, тополя, обліпихи и шиповника. Тутъ лежало довольно много череповъ горныхъ козловъ и горныхъ барановъ, но они были настолько попорчены, что нельзя было выбрать ни одного сколько-нибудь годнаго для коллекціи черепа. Въ самой густой части тугая мы наткнулись на совершенно свѣжій слѣдъ медвѣдя.

Переправившись на лѣвый берегъ Баяндъ-кина, мы очутились передъ очень крутымъ подъемомъ. Между подошвой его и берегомъ рѣки находится небольшая площадка саженъ 30 въ ширину, вся заваленная камнями и заросшая тугаемъ. Восточнѣе этой площадки ущелье Баяндъ-кина снова суживается весьма сильно, и такъ какъ дно рѣки загромождено большими камнями, то и при-

лось проложить тропинку вдоль по скату, на высотѣ 1000 футовъ надъ рѣкою. Скаты спускается подъ угломъ около 45° и прорѣзывается тремя ущельями, изъ которыхъ первое называется Текъ-араломъ, второе—Сандалемъ, а третье—Шадракомъ. Эти ущелья идутъ отъ гребня кряжа, ограничивающаго долину Баландъ-кинъ съ лѣвой стороны; гребень довольно высокъ, и хотя онъ и не покрытъ сплошь вѣчнымъ снѣгомъ, но на немъ лежатъ мѣстами большія снѣговныя поля. Ущелья у своихъ устьевъ очень глубоки и имѣютъ почти отвѣсные бока; поэтому тропинка идетъ на значительной высотѣ надъ рѣкою и проходитъ черезъ ущелья въ ихъ среднихъ частяхъ. Первый подъемъ находится около Текъ-арала. Осмотрѣвъ его я нашелъ, что онъ требуетъ исправленія, и приказавъ нѣсколько очистить дорогу, пошелъ впередъ пѣшкомъ. За этимъ первымъ подъемомъ тропинка спускается на дно Текъ-аральскаго ущелья, гдѣ течетъ незначительный ручей. Затѣмъ снова начинается очень крутой подъемъ. Грунтъ здѣсь такой же, какъ и на Байгапкѣ; здѣсь встрѣчаются также столбы, несущіе на своей вершинѣ камни. Бока ущелья размыты очень сильно, и почва постоянно осыпается подъ ногами. Поэтому исправленіе дороги было дѣломъ совершенно невозможнымъ. Къ счастью тропинка шла прямо вверхъ по скату и не было ни одного карниза. Поднявшись на верхъ, я увидѣлъ, что дорога идетъ по косогору, какъ сказано выше, футовъ на 1000 надъ рѣкою. Тутъ она не представляла никакихъ трудностей, такъ какъ почва была покрыта мелкими злаками, корни которыхъ сдерживали ее и не давали ей осыпаться. Вьючныя лошади поднимались очень медленно; приходилось каждую вести отдѣльно, сохраняя между ними значительные интервалы: я воспользовался этимъ временемъ, чтобы осмотрѣть дорогу и отправился впередъ съ Г. Е. Родіоновымъ. Пройдя около версты, мы очутились передъ ущельемъ Сандалъ; нужно было спуститься на дно, а этотъ спускъ не менѣе 700 футовъ по вертикальной линіи, затѣмъ снова подняться по другому боку ущелья на ту же высоту. Бока ущелья состоятъ изъ твердой кристаллической породы и спускаются подъ угломъ около 60° . Тропинка идетъ карнизомъ; она вездѣ очень узка, и иногда на ней едва достаточно мѣста для ноги человѣка. Попадались пространства, гдѣ было трудно держаться, такъ какъ нога скользила по гладкой поверхности скалы, и хотя я кожу по горамъ недурно и не подверженъ головокруженіямъ, но мнѣ приходилось помогать себѣ руками, такъ какъ малѣйшій невѣрный шагъ долженъ былъ неминуемо повлечь за

собою паденіе на дно Сандаля. Было ясно, что навьюченная лошадь здѣсь пройти не можетъ; даже и развьюченную пришлось бы вести съ большою осмотрительностью, да и при этомъ нельзя было ручаться за то, что мы не лишимся нѣсколькихъ лошадей. Я не могъ прибѣгнуть и къ перенесенію вьюковъ людьми; эта операція потребовала бы болѣе 4 часовъ времени; солнце уже садилось, остановиться же на ночь на косогорѣ между Текъ-араломъ и Сандалемъ было невозможно, тамъ совершенно не было корма, а за водою пришлось бы спускаться на цѣлую тысячу футовъ. Въ это время мнѣ пріѣхали сказать, что весь обозъ переправился черезъ Текъ-араль, но что при этомъ упали три лошади, что одинъ капъ съ сухарами пропалъ и что одинъ изъ яхтановъ, въ которомъ между прочимъ находилось около 800 руб. экспедиціонныхъ денегъ, упалъ и разбился къ дребезги. Если уже переправа черезъ сравнительно-легкій Текъ-араль стоила такихъ потерь, то было ясно, что проходъ черезъ Сандаль не можетъ обойтись благополучно. Тутъ я убѣдился, что мы рискуемъ потерять значительную часть лошадей, а такъ какъ запасныхъ у насъ не было и я не зналъ удастся-ли купить новыхъ у Санбъ-Назара, то и пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Я бы вѣроятно попытался пробраться какъ-нибудь далѣе, если бы всѣ люди были здоровы, но изъ 18 казаковъ конвоя шесть человѣкъ страдали лихорадкою, и я боялся, что они не выдержатъ утомительныхъ переходовъ, а этихъ послѣднихъ слѣдовало ожидать и въ виду поздняго времени года и по причинѣ возможной потери вьючныхъ лошадей. Я не считалъ себя вправе рисковать жизнью вѣранныхъ мнѣ людей даже для разъясненія интересныхъ научныхъ вопросовъ. Нужно было отказаться отъ надежды проникнуть за Тахтакорумъ и предоставить будущимъ изслѣдователямъ посѣщеніе Шугнана и Западнаго Памира.

Я вернулся къ вьюкамъ и осмотрѣлъ наши потери. Отъ одного изъ яхтановъ остались только щепки и при этомъ разбился одинъ термометръ. Патроны къ револьверу Лефосе рассыпались и нѣкоторые изъ нихъ, ударившись о камни, разрядились, но къ счастью никого не ранили. Деньги тоже оказались на лицо; мѣшокъ, въ которомъ они находились, не разорвался при паденіи яхтана, а то ничего бы не удалось собрать, такъ какъ всѣ 800 руб. были въ кокандской серебряной монетѣ. Отъ капа сухарей не осталось ничего: онъ разорвался при паденіи и сухари рассыпались между камнями.

Что касается упавших лошадей, то ничего нельзя было сказать навѣрное о важности ихъ ушибовъ; ясно было, что они не переломали себѣ ногъ. Я распорядился, чтобы вьюки были по-возможности разложены на всѣхъ лошадяхъ, и чтобы каждую осторожно свели внизъ подъ ущелье. Мѣстомъ для остановки была выбрана первая площадка на правомъ берегу Баяндъ-кинка; солнце уже сѣло и было невозможно искать лучшаго мѣста для ночлега. М. И. Невѣсскій и я остались на верху караулить уцѣлѣвшій яхтанъ, такъ какъ его нельзя было навьючить. Пришлось намъ сидѣть довольно долго; уже совершенно стемнѣло, когда явился Чинъ-кара съ двумя джигитами. Первый взвалилъ на спину яхтанъ, въ которомъ было около трехъ пудовъ вѣсу, одинъ изъ джигитовъ зажегъ свѣчку и мы стали спускаться. Я никогда не забуду этого путешествія въ потьмахъ: свѣчу постоянно задувало, такъ-что она нисколько не помогала, а ночью я почти ничего не вижу. Велѣ меня джигить,—самъ я не могъ отличить тропинки. Раза два перемѣнялись носильщики яхтана, и наконецъ мы добрались благополучно до лагеря. Мы не стали разставлять кибитки и палатки, для нихъ не достало бы мѣста между наваленными повсюду камнями. Къ счастью ночь была совершенно ясная и мы могли смѣло спать подъ открытымъ небомъ. Люди до того измучились, что мы не стали варить ужинъ и ограничились питьемъ чая съ сухарями. Такъ закончился этотъ несчастный день. Мы вышли въ 9 часовъ утра и стали на ночлегъ въ 7 час. вечера; шли не дѣлая привала и въ продолженіи 10 часовъ прошли всего 8 верстъ. Предоставляю читателямъ сдѣлать изъ этихъ цифръ заключеніе о томъ, насколько удобна дорога по Баяндъ-кинку!

14-го сентября мы выступили не рано, нужно было размѣстить вновь вещи въ яхтанахъ, и такъ какъ одного не хватало, то эта перекладка взяла довольно много времени. Наконецъ мы двинулись, но были принуждены оставить на мѣстѣ ночлега одну изъ упавшихъ наканунѣ лошадей, такъ какъ она не могла идти даже безъ вьюка. У нея, при паденіи, произошелъ разрывъ одного изъ брюшныхъ кровеносныхъ сосудовъ и за ночь она ослабѣла до того, что едва могла стоять на ногахъ. Прошли мы благополучно, на Байгашку поднялись безъ всякихъ приключеній, хотя эта часть пути взяла очень много времени. Остановились мы на мѣстѣ нашего ночлега съ 12 на 13 сентября, т. е. недалеко отъ устья Баяндъ-кинка.

Слѣдующій день былъ посвященъ восхожденію на Федченков-

скій ледникъ. Вьюки были отправлены впередъ на Алтынъ-мазаръ, а я, со своими спутниками Г. Е. Родіоновымъ и М. И. Невѣскимъ, пошелъ на ледникъ. Какъ сказано выше, глетчеръ почти запираетъ устье долины Баяндъ-кѣнка. Бокъ его, обращенный къ этой долинѣ: нигдѣ не представляетъ вертикальной ледяной стѣны, а спускается болѣе или менѣе круто; весь спускъ, а также и подошва ледника покрыты тутъ громадными массами камней, представляющихъ свалившуюся внизъ боковую морену. Я читалъ и слышалъ, что восхожденіе по моренамъ дѣло не легкое, но тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, что мои представленія о трудностяхъ, сопряженныхъ съ такимъ предпріятіемъ, были весьма далеки отъ дѣйствительности. Камни самой различной величины лежали нагроможденными другъ на другѣ, и притомъ часто въ состояніи самаго неустойчиваго равновѣсія. Иной разъ было достаточно ничтожнаго усилія, чтобы свалить камень пудовъ въ тридцать или сорокъ вѣсомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ необходима крайняя осторожность при восхожденіи, и я съ своей стороны не посоветовалъ бы никому приниматься за это дѣло безъ предварительной обстоятельной практики подъ руководствомъ опытныхъ проводниковъ. Таковыхъ у насъ, къ сожалѣнію, неимѣлось и намъ приходилось полагаться только на собственныя силы. Я шелъ вдоль подошвы ледника, и только послѣ трехъ попытокъ мнѣ удалось взобраться на его поверхность. Въ этомъ мѣстѣ, т. е. между упавшею боковою и первою срединною мореною, вся поверхность ледника была сплошь покрыта щебнемъ и камнями. Ледъ нигдѣ не выступалъ наружу. Ледникъ былъ неровенъ: онъ представлялъ рядъ куполообразныхъ возвышеній и впадинъ, но трещинъ тутъ было очень мало,—я замѣтилъ всего одну. Между подошвою ледника и горами, ограничивающими его съ востока, находилось небольшое свободное пространство отъ 5 до 10 сажень шириною; я видѣлъ его на разстояніи около полуверсты. Добраться до точки, съ которой бы былъ видѣнъ ледникъ во всю его ширину, мнѣ не удалось. Передо мною возвышалась первая, самая восточная изъ срединныхъ моренъ: она поднималась сажень на 10 надъ поверхностью ледника. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ я отказался отъ восхожденія на нее, такъ какъ погода становилась ненадежною. Около часа по-полудни, поднялся сильный вѣтеръ, и на небѣ, бывшемъ до того времени безоблачнымъ, появились тучи. Нужно было подумать объ отступленіи. Впрочемъ, забравшись и на первую морену, я вѣроятно увидѣлъ бы не особенно много. Мои со-

товариши, которые взошли на ледникъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ я, были на ея гребнѣ, но и они не нашли хорошей точки для ориентировки; передъ нами возвышалась слѣдующая срединная морена, которая закрывала видъ на лежащую за ней часть глетчера. На горы, находящіяся съ восточной стороны его, забраться невозможно, — до того круты ихъ скаты.

Растительность не вполне отсутствовала на поверхности глетчера. Я нашелъ тамъ небольшую колонію какого-то злака; она поселилась на грудѣ щебня, и, не смотря на ледяную подпочву, стебли этого злака были не менѣе двухъ футовъ высоты, т. е. они никакъ не могли быть отнесены по своей *habitus* къ числу растеній высокаго альпійскаго пояса. При обратномъ пути къ Алтынъ-мазару мы увидѣли, что сводъ ледяной, находившійся за два дня передъ тѣмъ у устья Баяндъ-кіика, обрушился и что проходъ изъ долины этой рѣки въ долину Сель-су, имѣвшій ранѣе 60 сажень ширины, сдузился отъ этой причины до 40 сажень. Было ясно, что ледникъ находится въ періодѣ поступательнаго движенія, чему служить доказательствомъ еще и отсутствіе конечной морены.

На Алтынъ-мазарѣ мы нашли старика лѣтъ 60, который въ молодые годы часто ходилъ на Федченковскій ледникъ. Онъ бывалъ тамъ для охоты за кіиками (такъ кара-киргизы называютъ горныхъ козловъ). По его словамъ, ледникъ тянется верстъ на 30 или на 40; путешествіе по немъ весьма опасно, по причинѣ многихъ трещинъ. Въ его верховьяхъ находится перевалъ Камаль-аякъ, выводящій въ долину р. Ванча (притокъ Пянджа). Этимъ путемъ уже давно никто не ходилъ, да имъ и въ прежнія времена пользовались только въ случаѣ крайности.

На Алтынъ-мазарѣ рассказывали, что по временамъ ледникъ на столько подвигается впередъ, что совершенно запираетъ выходъ Баяндъ-кіика. Рѣка, не имѣя стока, разливается и въ нижней, расширенной части своей долины, образуетъ озеро. Затѣмъ напоръ воды становится такъ силенъ, что озеро прорываетъ сдерживающую ее ледяную преграду и громадная масса воды стекаетъ въ короткое время чрезъ Сель-су въ Мукъ-су, производя сильное наводненіе. Послѣдній разъ это явленіе произошло лѣтъ десять тому назадъ, и тогда были смыты многіе тугаи въ мукъ-суйской долинѣ. Такъ какъ теперь ледникъ движется впередъ, то я полагаю, что въ недалекомъ будущемъ должно совершиться вновь такое же наводненіе.

Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что вся долина Сель-су была

нѣкогда занята ледникомъ; за это предположеніе говорить необыкновенная крутизна склоновъ горъ, ее ограничивающихъ. Сомнѣваюсь, чтобы подобная долина могла произойти отъ дѣйствія воды. Вода можетъ, конечно, промыть себѣ ущелье съ вертикальными стѣнами, но ширина такого ущелья будетъ всегда весьма незначительна, и почти все дно его будетъ занято рѣкою. Въ долинѣ же Сель-су мы видимъ совершенно другое. Скалы спускаются въ ней подъ угломъ отъ 60 до 90°, но ширина долины очень значительна; она доходитъ до двухъ верстъ; количество воды въ Сель-су слишкомъ ничтожно, чтобы произвести такой громадный размывъ. Я, правда, не видѣлъ тамъ черченныхъ скалъ, но весьма можетъ быть, что я прошелъ мимо многихъ и ихъ не замѣтилъ, потому что я былъ знакомъ съ ледниковыми явленіями только по книгамъ и никогда мнѣ не приходилось осматривать слѣдовъ древнихъ глетчеровъ. Отсутствіе остатковъ прежнихъ моренъ тоже, какъ мнѣ кажется, ничего не доказываетъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ наводненія, происходящія отъ запора льдомъ долины Баяндъ-кѣика, могли смыть совершенно, всѣ подобные остатки. Было бы весьма желательно, чтобы геологи осмотрѣли Федченковскій ледникъ и долину рѣки Мукъ-су; при этомъ можетъ быть удалось бы опредѣлить высоту, до которой доходилъ ледникъ въ эпоху, соотвѣтствующую ледниковому періоду въ западной Европѣ. Какъ извѣстно, существованіе ледниковаго періода въ Средней Азіи есть вопросъ спорный. Н. А. Сѣверцовъ доказываетъ, что глетчеры нѣкогда спускались очень низко въ горахъ Тянь-шаньской и памирской системы, такъ что эти горы являлись сильно обледенѣлыми. И. В. Мушкетовъ, напротивъ, высказалъ мнѣніе, что въ Средней Азіи ледниковаго періода въ строгомъ смыслѣ слова не было. Вопросъ этотъ возбужденъ не у однихъ насъ. Мы встрѣчаемся съ такими же различіями во мнѣніяхъ, относительно существованія ледниковаго періода и на Гималаяхъ. Извѣстный англійскій геологъ Кэмпбелль (J. T. Campbell) посвятилъ въ 1876 году нѣсколько мѣсяцевъ на осмотръ южнаго склона Гималаевъ, съ цѣлью отыскать тамъ слѣды ледниковаго періода, и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ. Онъ говоритъ: «скажу въ заключеніе, что это мнѣніе, основанное на наблюденіи, совершенно противоположно моему прежнему убѣжденію, которое было выведено на основаніи теоріи. Когда я прибылъ сюда, то я ожидалъ встрѣтить доказательства сильнаго ледниковаго дѣйствія въ сѣверной Индіи подъ широтою 30°31'. Я

совершенно ихъ не нашелъ ¹⁾. Защитниками противнаго мнѣнія въ Индіи являются въ настоящее время главный начальникъ коммиссіи для геологическаго изслѣдованія Индіи—Медликаттъ и Бланфордъ. Такимъ образомъ вопросъ о ледниковомъ періодѣ въ Средней Азійи и въ Индіи является спорнымъ. Между тѣмъ окончательное рѣшеніе его весьма важно какъ для геологіи, такъ и для географіи животныхъ и растений.

Дальнѣйшее изслѣдованіе мѣстности, лежащей въ верховьяхъ Мукъ-су и въ особенности той части Памира, которая находится къ югу отъ нея, въ высшей степени интересно, даже и съ чисто географической точки зрѣнія. Въ настоящее время западный Памиръ, отъ Тахта-корума до Яшилъ-куля, виѣстъ съ прилегающими къ нему Дарвазомъ и Шугнаномъ, представляются наименѣе извѣстными изъ всѣхъ средне-азіятскихъ странъ. Наша экспедиція доказала, что обыкновеннымъ путешественникамъ, если не вполне невозможно, то во всякомъ случаѣ очень рискованно пускаться въ эту terra incognita черезъ Тахта-корумъ. Но есть другой и удобный путь въ Памиръ-сарезъ, черезъ Кызылъ-артскій перевалъ. Между этимъ послѣднимъ и Кударю, судя по распросамъ, не существуетъ никакихъ препятствій, такъ что движеніе тяжелыхъ вьюковъ можетъ совершаться безостановочно по этой дорогѣ. Поэтому путешественникъ можетъ оставить свои вьюки гдѣ нибудь на этомъ пути, а самъ, взявъ съ собою лишь самыя необходимыя вещи, пройти съ Кара-куля черезъ Кокуй-бель на Баяндъ-кинъ, а оттуда черезъ Тахта-корумъ спуститься снова къ Кударѣ и затѣмъ идти далѣе на югъ, на сколько это позволятъ обстоятельства.

Для подробнаго же осмотра Федченковскаго ледника и верховьевъ рр. Каинда и Сель-сая необходимо оставить большую часть вьюковъ въ Алтынъ-мазарѣ. Изученіе Федченковскаго ледника займетъ вѣроятно не менѣе недѣли, и невозможно оставлять лошадей на все это время вблизи ледника, такъ какъ въ долині Сель-су не существуетъ совершенно подножнаго корма, да и на Баяндъ-кинъ его чрезвычайно мало. По этому, доѣхавъ до ледника, нужно отправить лошадей обратно на Алтынъ-мазаръ и оставить на мѣстѣ только одну, для посылокъ. Но повторяю опять, что изслѣдованіе ледника возможно только для человѣка сильнаго, здороваго и имѣющаго значительную опытность въ путешествіяхъ по

¹⁾ Campbell. On Himalayan glaciation (Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol XLVI part II. № 1 1877 pg. 7.)

глетчерамъ и снѣжнымъ горамъ. Если же кто либо рѣшится на подобное предпріятіе, не имѣя практическихъ свѣдѣній о ходѣ по горамъ и ледникамъ, то можно почти навѣрное предсказать, что онъ увеличитъ собою и безъ того уже длинный списокъ лицъ, павшихъ жертвою своей безразсудной отважности. Я позволяю себѣ наставлять особенно на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ мнѣ извѣстно, что у насъ, въ Туркестанѣ, нѣкоторые лица совершали восхожденіе на ледники безъ всякихъ предосторожностей. Обутое въ обыкновенные сапоги, съ гладкою подошвою, безъ горныхъ палокъ, веревокъ и другихъ, самыхъ необходимыхъ приспособленій, они пускались въ путь, не имѣя съ собою, конечно, ни одного опытнаго проводника. Если до сихъ поръ всѣ подобныя попытки сходили съ рукъ благополучно, то это зависело только отъ ихъ малаго количества, отъ счастливой случайности, а также и отъ незначительной величины большинства здѣшнихъ глетчеровъ. Но такіе ледники, какъ Музартскій, Петровскій, Зеравшанскій, Федченковскій и глетчеръ Щуровскаго могутъ смѣло поспорить своими размѣрами, а вѣроятно, и своими трудностями, съ любымъ изъ швейцарскихъ глетчеровъ; идти на нихъ на авось—это тоже, что отправиться на тигра безъ всякаго оружія.

В. Ошанинъ.
